

Грамота № 967

Найдена на Борисоглебском раскопе, в квадрате 18, на уровне пласта 10 (глубина 1,80–2,00 м). Это письмо из одной строки, либо просто недописанное, либо с отрезанным концом:

·:·Ѡтиоунаѡте

Написание *ѡ те* — очевидно, вместо *ѡ те*.

Длина 16,3 см, ширина 3,3 см.

Стратиграфическая дата: XIII век.

Текст делится на слова так: *ѡ тиоуна ѡ Те...*

Тиун — в XI–XIII вв. княжеский или боярский слуга, участвовавший в управлении. В XIV–XVII вв. — чиновник, занимающийся первичным разбором судебных дел и т. п., род управляющего или даже наместника. В материалах раскопок этот термин ранее встретился только в надписи на цере XII в. (ДНД₂: 342).

На *Те* могло начинаться как христианское имя *Терентии*, так и дохристианские имена типа *Тъшата*, *Тъшила*, *Терпила*.

Грамота № 968

Найдена на Кремлевском раскопе (к западу от Грановитой палаты), в квадрате 8, на уровне пласта 3 (29,00–28,80 м по счету от уровня моря). Это левая часть одной из срединных строк письма:

доу·говориѡ[д]ѣѣ·ка[к]...

Длина 8,5 см, ширина 1,3 см.

Стратиграфическая дата: 40-е–60-е гг. XIV в.

Текст делится на слова так: *...доу говори в(ла)д(ы)ѣѣ, как(о) ...*

Отрезок *-доу* едва ли может быть концом

от *правдоу*: слово *правда* в ту эпоху означало прежде всего правосудие, а не правду в современном смысле. Из разных вариантов реконструкции наиболее вероятным представляется *(оби)доу* — по прямой аналогии с грамотой № 725, где читается: *съка(ж)ита владычѣ мою обиду*.

Но самой интересной в этом маленьком фрагменте является словоформа *говори*. Она несомненно выступает здесь в том же значении, что современном языке, т. е. ‘dicere’. В том же значении глагол *говорити* встретился и в нескольких других берестяных грамотах (№ 530, 131, 749, 373), но все они относятся к более позднему времени: самая ранняя из них (№ 530) датируется 1370-ми – 1380-ми гг.

Между тем древнейшие примеры глагола *говорити* обнаруживают другое значение: ‘гомонить, галдеть, шуметь, роптать’ — всегда о многих, о толпе. И то же со словом *говоръ*: оно означало ‘шум, гомон, ропот’ (издаваемый сразу многими, необязательно людьми).

Из «Повести временных лет»: *и в гора^x тѣ^x кличъ великъ и говоръ* (в рассказе о племенах Зауралья, заключенных в горе, — Лавр., л. 85а). Из Суздальской летописи: *и бы^c говоръ великъ акы до нѣси ѡ множества людии ѡ радост(и) великиа* (Лавр. под 1206 г., л. 142 об.). Из Новгородской летописи: *и наша людие говорити на воеводу Косняча...* (НПЛ [младший извод] под 1068 г., л. 89) — в значении ‘роптать, шуметь’.

Сказанному по видимости противоречит, правда, например, такая запись в Уваровской летописи (рукопись XV в.) за 1149 год: *Нѣкотории же мужи его, злии челоѡѣци, наша емоу (князю Изяславу) вадити на Ростислава Юрьевича, глаголюще: «Подговорилъ люди на тя, берендичи и кыяны; а хотѣлъ сѣсти въ Киевѣ»* (Увар., л. 54 об.). *Подговорилъ* здесь выступает в современном значении: человек (а не толпа) гово-

Прорись грамоты № 968

рил и подговорил кого-то против определенного лица. Но все разъясняется, как только мы прочтем этот же пассаж в Лаврентьевской летописи, где сказано: «Ростиславъ Гюргевичъ подмолвилъ на тя люди...». Ясно, что Лаврентьевская летопись сохранила старое чтение, тогда как в Уваровской летописи переписчик XV века вместо старого *подмолвити* поставил уже свойственное его времени *подговорити*.

В словаре Срезневского содержится множество примеров со словами *говорити* и *говорь* (без приставок и с приставками) в современном значении. Но ни один из них не старше конца XIV века.

Древнее значение глагола *говорить* отчасти сохранилось в северных говорах. В СРНГ (6: 256) находим: *говорѣть*, знач. 3. О птицах — петь, щебетать, каркать и т. п. «Если прилетные птицы весной не говорят, то будет еще холод, засиверка». Пинеж. (Арханг.). Также в онежских былинах в записях Гильфердинга: «Прилетали тут русские птицы, учили тут пети-говорити, как млад соловей щекотати».

Эволюция значения у слова *говорить* — от ‘шуметь, гомонить’ (о толпе) к ‘dicere’ — совершенно типовая. Глагол со значением ‘dicere’ может происходить из разных семантических источников, но этот — один из наиболее популярных. В славянской зоне можно указать не менее семи таких случаев. Старейший из них — *мълвити*. В старославянском *мльва* — ‘ропот толпы, мятеж’. Затем (и довольно рано) наступает такое развитие значения, при котором в древнерусском языке это уже нормальный глагол для ‘dicere’. Остальные примеры диалектные, но их много. В русских говорах глаголы *гомонѣть*, *галдѣть*, *гамѣть*, *шумѣть* / *шумнѣть*, по данным СРНГ, имеют среди прочего нейтральное значение: просто ‘говорить что-то кому-нибудь’. Особенно яркий новейший пример — из речевой практики интернет-сообщества: *базарить* — от *базар*, для которого характерен именно хаотичный шум толпы. Но в словаре сленга мы уже видим слово *базарить* просто в значении ‘говорить’, без дополнительных уточнений.

Итак, крошечный обрывок бересты оказался ценным подарком для историков языка — это самый ранний в истории русского языка документ, где *говорити* означает ‘говорить’.

У этой проблематики есть еще один небезынтересный аспект. И слово *говорити*, и слово *говорь* встречается в «Слове о полку Игореве». Совершенно невероятно, чтобы литератор XVIII века знал о хронологической границе между старым и новым значением слова *говорити*, которая пролегла примерно между XIII и XIV веком. Так что если это он сочинял «Слово», то он легко мог «попасться» на этом самом обычном слове современного русского языка. Однако же автор «Слова» не «попался» — он безупречным образом использовал оба эти слова в древнем значении, а не в новом. В «Слове» *говоряхуть* не люди, а галки (*галици*) и *говорь* был не людской, а галочий (*галичь*). В обоих случаях изображается звук голосов нерасчлененной массы (в данном случае птиц) — в точном соответствии с древним значением. (Заметим, что в переводах практически везде дается: «Галки свою речь говорили»; но это неточный, бессознательно модернизирующий перевод: точный смысл — «Галки своей речью гомонили».)

Это еще один из многих случаев, когда сверх уже известных признаков еще один частный признак текста «Слова», не привлекавший ранее к себе внимания, оказывается проявлением древности.

Грамота № 969

Найдена на Кремлевском раскопе (к западу от Грановитой палаты), в квадрате 15, на уровне пласта 5 (28,60–28,40 м по счету от уровня моря). Это маленький фрагмент:

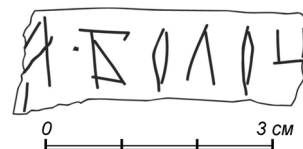
...аболо[ш]...

На месте [ш] могло быть и [ц].

Длина 3,7 см, ширина 1,4 см.

Стратиграфическая дата: 40-е–60-е гг. XIV в.

Для разделения на слова и интерпретации нет достаточных данных.

Прорись грамоты № 969